

А. Г. ГЕРЦЕН

КНЯЖЕСТВО ФЕОДОРО: ОТ «АЛЬФЫ» ДО «ОМЕГИ»

В предлагаемой статье делается попытка в сжатом виде рассмотреть историю формирования, развития и гибели политического образования в Юго-Западном Крыму, известного как княжество Феодоро, с учетом как известных письменных источников, так и данных археологических исследований, ведущихся здесь на протяжении последнего полувека.

Особенностью политической истории Крыма до включения его в состав Российской империи являлось то, что его территория не находилась полностью под властью какого-либо одного государства, и здесь не было, соответственно, таких политических образований, которые бы охватывали весь полуостров. В античную эпоху, например, сосуществовали Боспорское царство, полис Херсонес и государство поздних скифов с центром в Неаполе Скифском. Горная часть полуострова, по крайней мере, до III в. до н. э. была населена племенами тавров, сохранявших первобытно-родовой уклад жизни. Позже Боспор и Херсонес подпали под власть Понтийского царства, которое сменили Рим и после 395 г. — Византия. Не менее сложная картина характерна и для средневековой эпохи. В этнополитическом аспекте основное ее содержание может быть сведено к взаимоотношениям степных кочевых и полукочевых этносов с оседлым населением горных долин и южного побережья, ориентированного в культурном отношении преимущественно на Византию, хотя характер этих взаимоотношений был весьма противоречив и неоднозначен на различных отрезках времени.

Весьма важным и интересным для изучения этих процессов является политический феномен в истории средневековой Таврики, известный как княжество Феодоро, возникшее в переломную эпоху истории Причерноморья в зоне сопряжения самых могущественных политических сил региона и погибшее в результате краха византийской цивилизации. Княжество оставалось здесь ее последним осколком, пытавшимся найти спасение перед угрозой османской экспансии, в том числе и в союзе с «Третьим Римом» — Москвой.

История Феодоро, как и большинство других страниц истории средневекового Крыма, слабо освещена письменными источниками [наиболее полная сводка: 1]. Причем сведения, в них содержащиеся, зачастую имеют либо отрывочный характер, либо косвенное отношение к предмету или же вообще требуют весьма кропотливого анализа для выделения предельно скудной информации. Среди проблем, до сих пор сохраняющих дискуссионный характер, остаются вопросы времени и обстоятельств возникновения княжества, о происхождении правящей династии, об экономике и характере политических отношений с соседями, о территории княжества и целый ряд других.

Первые определенные известия о существовании княжества можно отнести к первой половине XIV в. [2, с. 9-19], хотя в некоторых работах обобщающего характера утверждается о его формировании в конце XIII в. [3, с. 595]. Естественным было бы попытаться найти корни Феодоро в более отдаленном прошлом. Уже в историографии XIX в. в качестве исходного момента для поиска был определен сюжет, осно-

ванный, прежде всего, на толковании отрывка из трактата Прокопия Кесарийского «О постройках», написанного в середине VI в., а также ряда более поздних источников. Главными предметами дискуссии стали вопросы о локализации населенной готами-федератами Византии страны Дори и объяснения смысла термина «длинные стены», употребляемого автором для обозначения возведенных в правление Юстиниана I оборонительных сооружений, предназначавшихся для защиты рубежей этой союзной страны. Далее в логическую цепочку включался проблемный блок, связанный с интерпретацией сведений о крепости Дорос, дважды фигурирующей в VIII в., вначале как пункт, через который проследовал бежавший из Херсона (Херсонеса) к хазарам ссыльный базилиев Юстиниан II, а затем, как крепость, захват которой хазарами дал повод к выступлению против них местного населения, так называемому восстанию под предводительством церковного иерарха Иоанна Готского.

Отождествление Дороса с тем или иным городищем также не было единодушным. От Дороса до сходного по звучанию топонима Феодоро остается хронологический разрыв в полтысячелетия, заполнять который приходится главным образом за счет археологических источников. Не вдаваясь в подробности этой двухсотлетней дискуссии, можно констатировать, что ее современные участники в основном сходятся на том, что с наибольшим основанием Дорос можно отождествить с самым крупным поселением из группы так называемых «пещерных городов», а именно с Мангупским городищем. Таким образом, столица княжества возникла на месте ранневизантийской крепости, по сути дела в ее пределах и как ее наследница [4, р. 133-154].

Менее ясным представляется вопрос о политической и территориально-административной преемственности княжества от каких-либо предшествовавших образований. Можно указать на два таковых. Это, во-первых, упоминавшаяся выше страна Дори. В 60-х гг. XX в. была предпринята попытка обосновать представление о том, что она занимала только пространство южного и, частично, юго-восточного побережья, ограниченного с севера обрывистыми склонами Главной гряды Крымских гор [5, с. 162-165; 6, с. 27, 44].

Эта точка зрения была противопоставлена бывшей к тому времени наиболее популярной гипотезе о стране Дори, как территории, на которой расположены так называемые «пещерные города», то есть в Юго-Западном Крыму на пространстве между течением рек Альмы и Черной. Была также предпринята попытка выдвинуть альтернативную этим двум гипотезам идею о «точечной» локализации Дори на Мангупе, то есть по сути Дори и Дорос сводились воедино на плато площадью около 1 км² [7, с. 74]. Все изложенные точки зрения, так или иначе, опираются на то или иное толкование упомянутого отрывка из трактата «О постройках» в сопоставлении с поступающей новейшей археологической информацией. Следует отметить публикацию В. А. Сидоренко, в которой делается попытка свести страну Дори к территории в низовьях р. Черной [8, с. 117]. Следует отметить, что рассуждениям автора противоречит сделанное им самим важное археологическое открытие: выявление остатков монументальной оборонительной стены, перекрывавшей в самом узком месте, в километре севернее Мангупа, верховье Каралезской долины. Весьма вероятно, что это и есть одно из звеньев системы, обеспечивавшей защиту северной границы страны Дори от нападений со стороны степей. Именно оттуда в годы правления Юстиниана I исходила, и все более нарастала к концу VI в., наиболее серьезная угроза для подвластной Византии территории. Источником ее была степная империя тюрок, западная граница которой достигала берегов Меотиды и Боспора Киммерийского, европейский берег которого был захвачен ими в 586 г.

Оборонительные мероприятия не сводились только к созданию жесткой поясной обороны на подступах к главному форпосту Византии в Юго-Западной Таврике. Такие системы, как показал римский опыт строительства грандиозных защитных пограничных линий, не были эффективными, если в них не включались большие по размерам и надежные как убежища долговременные крепости. В них размещались не только гарнизоны, но и дополнительные войсковые контингенты, а главное, могло укрываться мирное население с наиболее важной частью движимого имущества, т. е. со скотом. Для последнего в пределах крепостных полигонов резервировалась достаточно обширная незастроенная территория, обеспеченная источниками или запасами воды.

Именно таковыми были крепости на плато Мангупа и Эски-Кермена, созданные как показали исследования последнего времени, во второй половине VI в. [9, с. 45; 10, с. 34]. Важнейшей их задачей была защита подступов к Херсону, главному форпосту империи в Юго-Западной Таврике, от которого они находились на расстоянии около 20 км. Вероятно тогда же, или несколько позже появляется крепость и на плато Чуфут-Кале, довольно далеко (на 20 км) вынесенная вперед от границы области Дори и ставшая главным укреплением в области расселения алан [11, с. 191; 12, с. 75-98].

Уже к концу правления Юстиниана Византия, не имея возможности содержать крепости на своем дальнем пограничье, переложила эту обязанность на местные власти. Ситуация на границах империи еще более ухудшилась во второй половине VII в., когда ей пришлось бороться с натиском арабов, поставивших Византию на край гибели. Впрочем, судя по археологическим данным и скудным известиям письменных источников, связи Юго-Западной Таврики с Византией не прерывались благодаря близости Херсона и сохранению угрозы вторжений кочевников.

В свете изложенного представляется, что «страна Дори» была довольно динамичным образованием, территория которого имела тенденцию к росту по мере того, как упрочивались византийские позиции в Таврике. Нет оснований говорить о включении ее в состав империи в качестве административной единицы. Таковым статусом обладал лишь Херсон, да и то с рядом весьма специфических проявлений «самостоятельности», далеко не типичных для городов империи (например, сохранялись институты полисного самоуправления, чеканилась собственная монета).

Округа же города, даже ближайшая, представляла иной мир, населенный хотя и союзниками, но все же, с точки зрения ромеев, варварами, христианизация которых и связанная с ней эллинизация растянулись почти на полтысячелетия. И это несмотря на то, что при сооружении весьма дорогостоящих крепостей византийские власти не скупилась и на возведение храмов, базилик, мало уступавших по размерам и пышности тем, которые строились в самом Херсоне. Не случайно, что даже когда христианизация завершилась и это население, по сути, стало грекоязычным, о чем свидетельствуют эпиграфические источники, византийские авторы избегали именовать его греками, но вплоть до XV в. продолжали употреблять по отношению к нему этнонимы «готы» и «аланы», для чего, впрочем, были и достаточные основания. Сближение этих двух этнических компонентов началось еще в эпоху раннего средневековья, на что указывает как облик материальной культуры, так и восприятие современников, например, Прокопий Кесарийский относит алан к числу готских племен [13, с. 77]. В середине XV в. уже бытовал этноним «готоаланы» [14, с. 157].

Обобщение данных, накопленных в результате многолетних исследований позднеантичных и средневековых могильников, позволяет определенно говорить о формировании средневекового населения горного Крыма преимущественно из фракций пришлых этносов, среди которых доминировали восточные германцы — готы и ирано-язычные аланы [15, с. 81-83, 225-226].

Строительство укреплений на Мангупском плато, скорее всего, началось в последнее десятилетие правления Юстиниана I (50-60 гг. VI в.). Тогда был создан обширный крепостной ансамбль, в котором были максимально учтены и использованы фактор природной защищенности столообразного плато. Оборонительные стены были возведены в трех ущельях, прорезающих северную часть массива. Южная же сторона плато, окаймленная обрывом высотой до 70 м, требовала перекрытия лишь нескольких расселин. Общая укрепленная площадь составила около 90 га. Таким образом, была создана самая большая по защищенной площади крепость средневекового Крыма [16, с. 155-156; 17, р. 41].

В центре плато была возведена одна из крупнейших христианских базилик в Таврике, соответствовавшая своими размерами крепости [18, с. 334-389; 19, с. 77-84]. Она уступала по габаритам только двум наиболее значительным херсонесским базиликам, так называемым «Уваровской» и «Западной». Внутренний ее объем делился на три нефа, из которых наибольший, центральный, отделялся от боковых рядами по шесть колонн, увенчанных капителями из проконесского мрамора. Полы храма были вымощены многоцветной мозаикой, стены покрыты фресками. При раскопках Мангупской базилики в 1912 г. был обнаружен фрагмент надписи на известняковой плите, содержащей имя Юстиниана I. Таким образом, крепости вменялась не только военная функция, но она становилась и важным идеологическим центром, через который осуществлялась христианизация местного населения. Правда, как отмечалось выше, процесс этот шел не быстро, в основном завершившись к рубежу I и II тысячелетий н. э.

Со второй половины VII в. на полуострове появляются хазары, постепенно продвигающиеся от Боспора в его западные районы. В начале VIII в. их влияние становится уже ощутимым вблизи Херсона. В самом городе, как явствует из рассказа о событиях, связанных с карательными мероприятиями против него, осуществлявшихся Юстинианом II, находился представитель хазарской власти — тудун [20, с. 63-65]. Византийско-хазарский военно-политический союз, порожденный общей для сторон арабской опасностью, не позволял империи предпринимать каких-либо активных действий по защите крымских территорий, традиционно рассматривавшихся как ее владения. Кризис назрел к концу VIII в., когда хазарами был захвачен Дорос-Мангуп, и это вызвало выступление христианского населения Готии, которое было возглавлено лидерами местной иконопочитательской партии, составлявшей оппозицию официальным иконоборческим властям, всецело доминировавшим в Херсоне и, вероятно, на большей части территории, на которой сохранялось византийское влияние.

В этих условиях антихазарская реконкиста была обречена на неудачу, поскольку нельзя было ожидать поддержки со стороны Византии восстания, начавшегося под антиправительственными лозунгами. Не случайно поражение выступления «Житие» Иоанна Готского — главный и по сути единственный источник, сообщающий о нем, объясняет тем, что его руководители были преданы одним из селений, а по более точному толкованию этого фрагмента текста, были выданы хазарам «своим народом» [21, с. 324-331].

В совокупности имеющиеся источники показывают сложность и неопределенность политической ситуации в горной Таврике, сохранявшуюся вплоть до начала 30-х гг. IX в. Оказавшись между Византией и Хазарией, она в целом сохраняла конфессиональную и в широком плане культурную ориентацию на первую. Некие административные структуры, вероятно, созданные еще в период существования системы федератов в пределах области страны Дори, продолжали сохраняться и спустя три столетия. Возможно, такими реликтами являлись фигурирующие у византийских авторов так называемые «Климаты Готии». Не исключено, что под ними следует по-

нимать округа, во главе с архонтами, резиденциями которых являлись ранневизантийские крепости, некоторые из которых известны сейчас в числе так называемых «пещерных городов», таких, например, как Бакла, Тепе-Кермен, Эски-Кермен, Каламита, а также поселения на побережье (Гурзуф, Алушта и другие)¹. По сведениям «Хронографии» Феофана, эти крепости были приведены в боевое состояние, когда Юстинианом II готовилась карательная акция против Херсона. Этот эксцесс в отношениях между метрополией и северо-понтскими провинциями, вероятно, привел к временному ослаблению ее влияния в регионе и способствовал более нейтральному отношению или даже усилению симпатий местного населения к хазарам.

После восстановления иконопочитания и общей стабилизации внутреннего положения Византии, а также в связи с существенным ослаблением Хазарии, к концу IX в. уже полностью потерявшей крымские владения, в 841 г. империя создает в Таврике военно-административный округ-фему Климатов [23, с. 698], в начале второй половины IX в. переименованную в фему Херсон. Вероятно, это означало, что территория новой фемы реально не включала в себя все те пункты, которые фигурировали под суммарным обозначением «климаты», а ограничивалась лишь ближайшей округой города.

Это хорошо передает «Житие» Константина Философа, находившегося здесь в 860 г. с миссионерской целью, отмечающее, что жители Херсона по сути живут как бы в осаде варварами, не имея возможности выходить за пределы города [24, с. 10]. Эта напряженная обстановка, вероятнее всего, была порождена попытками хазар вооруженным путем восстановить свое влияние на полуострове. Усилению конфронтации в идеологической области способствовало принятие верхушкой хазарского общества иудаизма в качестве государственной религии. Противодействие его распространению было одной из главных задач миссии Константина Философа в Крыму.

В Пространной редакции так называемой Еврейско-хазарской переписки, в письме хазарского царя Иосифа визирю кордовского халифа Хасдаю ибн Шапруту, датированном около 960 г., названы пункты, которые определяют западную границу Хазарии. В списке перечислен ряд крымских топонимов, среди которых легко идентифицируются Керчь, Судак, Алушта, Ламбат, Партенит, Алушка, Мангуп, а также ряд других, пока надежно не отождествленных с конкретными поселениями. Важно отметить, что в части, касающейся Южной и Юго-Западной Таврики, эти пункты выстраиваются в четко выраженную линию, вероятно, обозначавшую границу территории, которую хазарский владыка не считал своей. Хорошо заметно, что последним пунктом на южном побережье являлась Алушка, далее граница поворачивает на север и за Главной грядой опирается уже на Мангуп, далее уходя в долину р. Альмы.

Можно предположить, что ситуация, описанная в данном источнике, при всей его неоднозначности, была реальной как минимум за столетие до его составления, когда хазары еще могли быть реальной силой на полуострове. Очевидно, тогда установилась линия размежевания территории византийской фемы и хазарских владений, о которой, как существующей хотя бы де юре, считалось возможным писать от имени Иосифа [25, с. 58-65].

Ко второй половине XI в. в связи с т. н. кризисом фемного строя в Византии, в Таврике также проходят перемены в административном устройстве. Здесь был образован катепанат, т. е. административный статус провинции был повышен, что было связано с какими-то чрезвычайными обстоятельствами [26, с. 316-318; 27, с. 506-508]. К концу века сведения об этой структуре в источниках исчезают. Как

известно, в середине столетия в степи Северного Причерноморья вторглись половецкие орды, быстро овладевшие пространством между Волгой и Днестром. Ранее кочевавшие здесь печенеги, ослабленные в результате поражений, понесенных ими от киевского князя Ярослава и византийцев, не могли оказать им сколько-нибудь серьезного сопротивления. Несомненно, для византийских владений в этом регионе возникла серьезная угроза, реакцией на которую вероятно и было образование катепаната. По сути это была последняя страница в истории византийской фемной организации в Крыму. Между ней и первыми реальными сведениями о новой политической структуре в Юго-Западной Таврике существует разрыв более чем в два с половиной века. Поэтому попытки некоторых авторов вывести истоки княжества Феодоро из фемы встречают серьезные трудности. Конечно, Византия не забывала в дальнейшем о своих бывших владениях и реальных интересах в регионе, что отражалось, например, включением в титулатуру императора Мануила в новелле 1166 г. наименования «Готский», которое для этого времени могло относиться только к Таврике [1, р. 140-145]. Исследователи связывают это с временным усилением позиций империи в Крыму после поражений, нанесенных ею половецким ханам на Дунае. Однако, все же половецкая власть ощущалась на полуострове куда значительнее. Недаром в «Подорожнике» арабского географа Идриси (конец XII в.) сообщается, что Ялта (Джалита) находится во владениях команов [28, с. 69; 29, с. 181]. В «Слове о полку Игореве» упоминание Корсуна и Сурожа в контексте описания половецкой земли подразумевает включение в ее состав всего крымского побережья. Тем более увязывается с этим известием упоминание о готских девах на берегу Синего моря, поскольку источники XIII-XVI вв. указывают на расселение готов в южной и юго-западной частях полуострова (Рубрук, Барбаро, Бусбек).

К началу XIII в. подавляющая часть оседлого населения Таврики исповедовала христианство, говорила преимущественно по-гречески и была носителем провинциальной византийской культуры, по многим признакам имевшей много общего с культурой Балкан, прежде всего Второго Болгарского царства, которое хотя и обособилось от Византии в 1186/87 гг., но сохранило черты материальной культуры, приобретенные в условиях длительных контактов с империей и двухвекового нахождения под ее властью.

Вторжение татар в Крым в январе 1223 г. и последовавшее закрепление их власти на полуострове путем включением его в состав правого крыла улуса Джучи привело к смещению части оседлого, преимущественно христианского, греко-язычного населения в менее доступные для кочевников предгорные районы, главным образом в область Внутренней гряды и южную приморскую часть. Одновременно начинается процесс аккультурации тех христиан, которые остались на месте и попали непосредственно под власть завоевателей.

Византийский историк Пахимер (вторая половина XIII — начало XIV вв.), сообщая об этом, прямо указывает среди прочих готов и аланов, фигурирующих в византийских источниках как главные компоненты христианского населения Таврики. По его словам, они смешиваются с татарами, «научаются их обычаям, вместе с обычаями усваивают язык и одежду и делаются их союзниками (в войне)» [1, р. 172]. Можно к этому добавить, что в Золотой Орде при хане Узбеке с принятием ислама в качестве государственной религии (1313/14 гг.) начинается исламизация этого населения.

Но вскоре обозначился фактор, тормозивший этот процесс. Дело заключается в эволюции самой Золотой Орды. Со временем завоевательная политика кочевой аристократии в отношении сельского земледельческого и городского торгово-ремесленного населения сменяется заинтересованностью в поддержании старых го-

¹ Эту гипотезу подтверждает моливдовул турмарха Готии, найденный в Херсоне [см.: 22, с. 230-235].

родских центров и создании новых, в покровительстве торговле и ремеслу, обогащавших татарскую знать посредством взимания дани и налогов. Особую выгоду приносила транзитная международная торговля, в обеспечении безопасности которой на огромном отрезке сухопутного маршрута между Западной и Центральной Азией важную роль играла Золотая Орда. Контролировавшиеся ею маршруты торговых караванов начинались или заканчивались, в зависимости от направления потока товаров, на юго-восточном побережье Крыма в Кафе. В 60-е гг. XIV в. здесь укрепляются генуэзцы, добившиеся от ханов заключения ряда выгодных для себя договоров, обеспечивавших им территориальные приобретения за счет захвата земель, ранее принадлежавших местным греческим общинам.

Таким образом, православное население Таврики оказалось не только под угрозой исламизации с севера, но и католической экспансии с юга. По сути, у него оставалась только территория между Херсоном и верхним течением Альмы, где сконцентрированы так называемые «пещерные города» и где, по археологическим данным, на протяжении всей средневековой эпохи отмечается наибольшая концентрация оседлого населения, в особенности в XIII-XV вв.

Консолидирующим фактором для этого населения была неустойчивость политической ситуации в Крыму. Уже во второй половине XIII в. в Золотой Орде проявляются признаки нестабильности, а к середине следующего столетия сепаратистские тенденции в различных ее частях, и прежде всего в западной, становятся очевидными. Ослабление центральной власти, частая смена ханов, противоборство стоящих за ними и противостоящих им группировок позволяли феодальной знати покоренных и прежде покорных чингизидам народов сделать шаги к обособлению от ветшающей империи. Так усиливается ряд русских княжеств, из которых ведущую роль постепенно приобретает Московское.

Процесс этот захватывает и глубинные районы Дешт-и-Кипчак². Группировки ордынских феодалов, с четко обозначившимися территориальными интересами, были не прочь стать самостоятельными властителями своих улусов. Они искали поддержку в своих сепаратистских устремлениях в среде местной знати, независимо от ее конфессиональной ориентации. В Крыму, в силу обособленного географического положения и его роли в транзитной, буквально межцивилизационной торговле, все эти тенденции были выражены особенно ярко.

Для понимания политической структуры Крыма в середине XIII в. важны сведения монаха-минорита Гийома Рубрука, посланца короля Людовика IX к монгольскому хану. Рубрук высадился в Солдае (Судаке) 21 мая 1253 г. и проследовал к Перекопу. Им достаточно подробно были записаны сведения о географии полуострова и о населявших его народах.

В целом за полуостровом тогда уже закрепилось наименование «Газария», использовавшееся в основном латиноязычными купцами, хотя Рубрук приводит и его греческую транскрипцию и этимологию: «Кассария» или «Цезария», то есть «цезарская», что являлось у местного христианского населения, вероятно, реминисценцией ситуации не менее чем полувековой давности.

Даже после восстановления Византийской империи в 1261 г. она уже не обладала в Крыму сколько-нибудь прочными политическими позициями, сохранив лишь контроль над церковной жизнью. Все побережье от Боспора и до района Херсона (Херсонеса) попало под контроль генуэзцев, быстро вытеснивших отсюда своих со-

² Т. е. половецкой степи, так называлось степное пространство Евразии от Дуная до Казахстана и Западной Сибири, вошедшее в состав улуса Джучи, иногда в более узком значении этот термин употреблялся только для обозначения Крымского улуса.

перников венецианцев. Во время путешествия Рубрука здесь еще не существовало сколько-нибудь значительных генуэзских торговых факторий, они начинают расти десятилетие спустя, важнейшей среди них становится Кафа, обосновавшаяся на месте античной Феодосии. Во второй половине XIII в. на границе горной и степной частей полуострова появляется крупный торговый город Крым (Солхат), в котором делали остановку караваны после дневного перехода от Кафы, перед тем как начать многомесячное путешествие по открытым степным просторам.

Ничего этого при Рубруке еще не было. Солдаей была тогда значительным черноморским торговым городом, успевшим оправиться после двух разорительных татарских нападений 1223 и 1236 гг. Во главе города стояли начальники (capitaneos), судя по словам Рубрука, из местных христиан. Причем он вел переговоры с их заместителями, так как сами начальники отпраздновали с данью к Батыю, то есть город де юре находился в составе Золотой Орды.

В дальнейшем, отправившись в путь на повозках на север, Рубрук получил от своих спутников сведения о существовании между Солдаей и Херсоном неких «сорока замков», которые населены готами, говорящими по-немецки (quorum idioma est Teutonicum). Эти замки до прихода татар платили дань команам, жившим на равнинах полуострова, тянувшихся к северу от гор «на пять дневных переходов» до самого перешейка. От очевидца Рубрук узнал, что преследуемые татарами половцы сбежали в огромном количестве на полуостров, где у них начался ужасающий голод, доведший до людоедства [30, с. 90]. Опустошение этой территории было столь катастрофическим, что до самого Перекопа путешественники не встретили ни одного селения, ни одной живой души.

Для нашей темы немаловажно выяснить смысл упоминания о сорока замках. Дело в том, что многие комментаторы этого фрагмента понимали его буквально, как свидетельство существования на побережье многочисленных укрепленных поселений. Однако с прошлого века в историографии существует и иная интерпретация данного свидетельства, на наш взгляд, более соответствующая исторической географии Крыма второй половины XIII в. и некоторым обстоятельствам организации поездки монаха-дипломата. Ф. К. Брун, член Одесского общества истории и древностей и специалист в области исторической географии античного и средневекового Северного Причерноморья, считал, что в «сорока замках» нужно видеть неправильно понятый или неточно объясненный Рубруку тюркский топоним «Кырк-Ор» или «Кырк-Ер», в переводе означающий «сорок крепостей» [подробнее об этом см.: 12, с. 50-56] (с начала XVII в. она чаще стала именоваться «Чуфут-Кале», то есть «Иудейская крепость» в связи с тем, что наиболее многочисленными ее обитателями с этого времени стали караимы). Это тем более вероятно, что Рубрук не раз отмечал некомпетентность своего переводчика, которого не раз уличал в неточностях и даже в искажении своих слов. Это стало ему ясно, когда он сам научился понимать тюркскую речь. Такой трактовки данного пассажи не исключал и А. А. Васильев [1, р. 166].

Если обратиться к карте, то на ней хорошо видно, что Чуфут-Кале действительно находится между Судаком и Херсоном, много ближе к последнему. Важно отметить, что в средневековье торговый путь, связывавший восточную и юго-западную части полуострова, проходил по долине, разделяющей Внешнюю и Внутреннюю гряды Крымских гор. Этот наиболее рациональный маршрут, по слабо искривленной дуге с минимальными перепадами по высотам, соединял два важнейших в то время портовых города. Причем этот сухопутный маршрут был более предпочтительным на протяжении довольно длительного периода года, когда навигация вдоль Южного берега, лишенного бухт, с редкими и ненадежными якорными стоянками, была затруднена.

Фактически суда могли относительно спокойно плавать только с середины весны до середины осени. В начале XIV в. генуэзским судам запрещалось здесь плавание с декабря до середины марта [31, с. 77]. Нужно отметить, что и в наши дни, несмотря на развитую дорожную сеть, сухопутную поездку из Судака в Севастополь удобнее и быстрее совершать через Симферополь, а не по Южному берегу.

Именно на этом сухопутном маршруте, несомненно, хорошо знакомом и половцам, и татарам, наиболее заметным пунктом являлся Кырк-Ер. Разумеется, можно указать и на другие поселения, в том числе и укрепленные, существовавшие в середине XIII в. в этом районе, например, такие известные «пещерные города» как Бакла на междуречье Альмы и Бодрака, и Эски-Кермен в 20 км к востоку от Херсона и в 5 км от Мангупа. Следует отметить, что оба эти поселения ни разу не упоминаются в письменных источниках этого времени. Погибли они в конце данного столетия под ударом орды эмира Ногая, что достаточно надежно установлено археологическими исследованиями.

Как известно, Ногай выступил против законного правителя Орды, джучида Токты. В сочинениях арабских авторов поводом для этого похода названо убийство внука эмира Актаджи, направленного на полуостров для сбора дани. По версии Рукнеддина Бейбарса, придворного историка египетских султанов Калавуна и ан-Насира Мухаммеда, убийство совершили генуэзцы в Кафе. Ибн-Хальдун же сообщает, что это произошло не в Кафе, а в Крыму (Солхате). Но оба автора указывают, что вначале разгрому подвергся именно Крым, который являлся резиденцией золотоордынской администрации улуса, которая и должна была собирать и сдавать в казну подати с подвластной территории. Кроме Крыма войско Ногай продвинулось в юго-западную часть области, где «ограбило Сару-кермен, Кырк-ери...» [32, с. 112].

Здесь упомянуты наиболее важные, с точки зрения внешних наблюдателей, пункты, подвергшиеся нападению, т. е. те, которые имели заметное политико-административное значение, являясь центрами определенных владений, находившихся в подчиненном положении к Золотой Орде. Как и за полстолетия до этого, на полуострове были известны два таких центра: Херсон, именованный мусульманскими авторами Сары-Кермен, то есть «Желтая крепость», и Кырк-Ер. Первый воспринимался как реликт византийских владений, второй был главной крепостью в области расселения асов или малых алан. По словам епископа Феодора, направленного в кавказскую Аланию и добравшегося через Херсон: «... близ Херсона живут Аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев, словно некоторое ограждение и охрана города» [33, с. 17].

Ближайшими соседями алан были готы, причем если их этнические области в представлении современников были достаточно четко разграничены, то в культурном отношении они представляли, по сути, единый массив, что хорошо фиксируется археологически. Лучше всего данная ситуация отражена свидетельством венецианского купца и дипломата Иософато Барбаро (середина XV в.): «Далее за Кафой по изгибу берега на Великом море находится Готия, за ней Алания, которая тянется по «острову» в направлении Монкастро... Благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы, они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем алан. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они называют себя готаланами, и те, и другие следуют обрядам греческой церкви» [14, с. 157].

Арабский историк Ал-Калкашанди (начало XV в.) указывает, что крепость Киркир является центром страны асов, зависимой от Золотой Орды [34, с. 36]. Практически в это же время баварский солдат Иоганн Шильтбергер, служивший у турок, в

своем описании Крыма сообщает: «... город Киркьер, в хорошей области, именуемой Готфией, но которую язычники называют Тат. Она населена греческими христианами и в ней производят хорошее вино. В этой стране, лежащей на берегу Черного моря, возле города Сарукерман был утоплен св. Климент. Там же страна (земля) черкесов» [35, с. 45]. Следует отметить, что в оригинале текста область, в которой расположен Кыркьер названа «Суди», а в среде язычников ее именовали «Тат», но вслед за Ф. К. Бруном, впервые опубликовавшим русский перевод (Одесса, 1867), почти все исследователи полагают, что это искаженная форма топонима «Готия».

Изложенное делает более понятным смешение Рубруком сведений о готах и «сорока замках». То же самое положение сохранялось и в представлениях наблюдателей спустя полтора столетия. По-прежнему местная крымская устная традиция сохраняла за Кырк-Ером — Чуфут-Кале роль главной крепости в юго-западной части полуострова, хотя реально к этому времени здесь уже оформилось княжество Феодоро, пришедшее на смену аланскому этнополитическому образованию во главе с Кырк-Ером, в середине XIV в. захваченному татарами [12, с. 75-98].

Вероятно, разгромы XIII в., затронувшие, прежде всего, юго-восточную часть полуострова и в меньшей мере юго-западную, немало способствовали притоку в последнюю христианского населения. Причем более открытая со стороны степи область расселения алан, в большей степени подвергавшаяся набегам, и, в конечном счете, завоеванная, не могла быть надежным убежищем для оседлого населения.

Следует отметить, что после смерти хана Узбека власть Золотой Орды в Крыму ослабла в результате начавшихся усобиц. Этим воспользовались генуэзцы, которые в 1347 г. заключили мир с преемником Узбека Джанибеком и получили ряд льгот. Возможно, ослабление власти Орды благоприятно сказалось на процессах феодализации Юго-Западной Таврики [36, с. 126].

Консолидации греко-язычных христиан под главенством выходцев из какого-то провинциального аристократического рода, по мнению некоторых исследователей, трапезундского по своим корням (об этом см. ниже), протекала наиболее активно на территории исторической Готии, приближенной к византийскому Херсону и лучше прикрытой естественными преградами и укреплениями, основанными еще в раннее средневековье.

Первое упоминание о князе Готии, без указания имени, по предположению А. А. Васильева, восходит к 20-м гг. XIV в., однако приводится оно в труде итальянского историка XV — начала XVI вв. Феодоро Спандуниса в связи с заметкой о вражде между императором Андроником II Палеологом (1282-1328), с одной стороны, и князем Готии, с болгарскими и сербским королем Стефаном, с другой. Здесь обращает на себя внимание не только весьма поздняя дата источника, но и то, что Готия упоминается в одном ряду с балканскими этносами и правителями. Следует учесть, что в средневековье удерживалась достаточно устойчивая память о существовании еще одной Готии на Дунае. Поэтому нужно с осторожностью решать вопрос об отнесении данного этнопонима именно к Крыму [37, с. 185].

В начале 60-х гг., когда Золотая Орда переживает «великую заматню», сведения о феодальных владениях в Крыму становятся более определенными. Их главы уже совместно выступают в военном конфликте с литовским князем Ольгердом и терпят от него поражение на Синих Водах (р. Синюха, левый приток Южного Буга) в 1362/63 г. Противниками Ольгерда источники называют трех ханов: крымского или солхатского Кутлу-буга, киркельского Хаджи-Бека и монлопского (мангупского) Дмитрия. Имя последнего явно указывает на его христианское происхождение [обзор источников о данном событии см.: 2, с. 11-14].

Археологические материалы, в особенности полученные за последнюю четверть столетия, позволяют уверенно выделить ранний период жизни столицы княжества Феодоро, определяемый началом 60-х гг. — последним десятилетием XIV в. [38, с. 247-258].

О том, что именно Мангуп становится в это время объединительным центром для христианского населения, свидетельствует надпись на камне, найденная при раскопках большой базилики на этом городище, проводившихся в 1913 г. В тексте ее прямо говорится о восстановлении в 1362 г. Феодоро и строительстве некоей «Пойки», под которой следует, вероятнее всего, понимать цитадель крепости, фактически кремль будущего города [16, с. 146]. Здесь впервые упоминается название, под которым в дальнейшем фигурировали и княжество, и его столица. Гораздо реже для последней употреблялось наименование «Мангуп», общеупотребительным оно становится уже после 1475 г.³

В середине 90-х гг. XIV в. Крым оказался втянутым в грандиозную междоусобицу Тохтамыша и Тимура, в результате которой юго-западная часть полуострова подверглась разгрому, сопоставимому по последствиям с учиненным здесь ранее Ногаем. Теперь главный удар пришелся по возрожденной столице княжества Феодоро, обращенной в руины. Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей, летом 1395 г. направленный в Ялту константинопольским патриархом в качестве экзарха. Матфей — автор первого дошедшего до нас описания столицы феодоритов, выполненного в форме стихотворного диалога между странником и городом, лежащим в руинах. Восхищаясь необычностью и живописностью местоположения, странник в то же время с горечью оплакивает безлюдность города, что в дальнейшем изложении объясняется басурманским нашествием [41, с. 75; 42, с. 562-589].

В начале XV в. начинается новый подъем княжества и его столицы. До этого главным средоточием греческой средневековой культуры на полуострове являлся Херсон, несмотря на значительную варваризацию сохранявшей античные эллинистические традиции в укладе жизни и политическом устройстве. Через него осуществлялась христианская миссионерская деятельность, направленная на соседние народы. Продукты городского ремесла и поступающий по торговым путям импорт служили образцами для провинциальных мастеров, втянутых таким образом в поле воздействия не только духовной, но и материальной культуры византийского мира. Что касается духовного влияния, то оно имело решающее значение для формирования сознания религиозного, а затем и культурно-генетического единства православного населения Таврики с восточно-римской цивилизацией. Ко времени угасания Херсона его периферия уже в достаточной мере восприняла полученные от него импульсы и могла быть самодостаточной, став органической составляющей греческого христианского континуума. Княжество Феодоро по сути стало наследником этой цивилизации, обосновавшейся на стыке великой средиземноморской греко-римской цивилизации с не менее великим и своеобразным миром кочевников евразийских степей, в котором не раз начинался, проходя ряд стадий и не получая завершения,

³ Украинским филологом В. Бушаковым опубликован ряд статей, в которых автор пытается вывести этимологию слова «Мангуп», исходя из османско-турецких, персидских и арабских корней. Смысл названия — «разбитая, разрушенная, пострадавшая крепость», по его мнению, указывает на то, что оно могло возникнуть только после захвата ее турками в 1475 г. [39; 40, с. 30]. Даже если подходить с определенной осторожностью к Пространной редакции еврейско-хазарской переписки, датируемой 960 г., в которой Мангуп упоминается среди других пунктов, не вдаваясь в филологические аспекты проблемы, отметим, что этот топоним в разных вариантах написания встречается в независимых источниках, по крайней мере, с конца XIV в. (см. далее по тексту).

процесс оседания на землю. Это явление получило в археологической литературе образное определение как путь «от кочевий к городам» [43].

Можно предполагать, что культуру и этнический состав населения княжества Феодоро должно было во многом определять его пограничное положение в контактной зоне. Однако греческий поздневизантийский фактор здесь явно доминировал. Греческое православие и язык — наиболее заметные признаки этого, хотя самовосприятие населения княжества было более сложным, многослойным. Оно, несомненно, ощущало себя частью византийского мира, будучи тесно связано с ним идеологически, будучи включенным в структуру церковной организации константинопольской патриархии. В то же время продолжали жить представления об этногенетических корнях, подкреплявшиеся сохранением разговорных бесписьменных языков, из которых определенные сведения есть о готском. Вероятно, были в обиходе и тюркские наречия. Как отмечалось выше, западные наблюдатели употребляли в первой половине XV в. для обозначения населения княжества термин «готаланы» или просто «готы». Лишь столетие спустя покоренное христианское население становится просто «греками», воспринимая это как естественную самоидентификацию в условиях его распыления между османскими и татарскими владениями с мусульманским тюркоязычным населением.

Одним из дискуссионных в истории Феодоро является вопрос о происхождении правившей в нем династии. До недавнего времени предпочтение в историографии отдавалось гипотезе, наиболее четко сформулированной русским византинистом А. А. Васильевым. Согласно ей, династы были выходцами из знатного византийско-армянского рода Гаврасов, представители которого правили в Трапезунде в первой половине XII в. и стремились к обособлению от Византии. Предполагаемый основатель крымской княжеской ветви, Константин, за участие в заговоре против императора Иоанна Комнина был в 1130 г. отправлен в ссылку, вероятно в Херсон. Здесь его потомки каким-то образом сумели добиться власти над византийской территорией в Юго-Западной Таврике, отождествляемой обычно с Готией. После захвата Константинополя крестоносцами, власть над ними перешла к Трапезундской империи, ставшей в этот же период самостоятельным государством, в которую стали поступать выплаты, ранее шедшие в византийскую казну. Эта ситуация сохранялась, по крайней мере формально, до 80-х гг. XIV в.

В пользу версии о трапезундском происхождении мангупской династии приводятся и такие факты, как существование в верхнем течении Бельбека села с названием Гавры, а также встречающаяся у мариупольских греков фамилия Гаврады.

С крымской ветвью Гаврасов в литературе традиционно связывается происхождение русского княжеского рода Головиных, родоначальник которого князь Степан Васильевич Ховрин (Ховра) появился в 1399 г. при дворе великого князя Василия Дмитриевича. Вместе с ним прибыл и его сын Григорий, который впоследствии основал в Москве монастырь, названный по имени, принятому его отцом при пострижении в монашество, Симоновым.

По мнению А. Л. Якобсона, основателем рода мангупских князей мог быть Алексей, с правлением которого связан высший расцвет княжества в 20-х гг. XV в. После разгрома, постигшего Крым в конце XIV в., «Не из разоренного ли Херсона и явился он сюда в опустевшее Феодоро?» — задавал вопрос исследователь [44, с. 43].

В последнее время внимание византиноведов вновь привлек вопрос о происхождении мангупской династии. Стали высказываться серьезные сомнения в связи ее с Гаврасами. В. П. Степаненко глубоко проанализировал отношения родства и свойства в кругах поздневизантийской аристократии с предполагаемыми мангупскими

династами. Он пришел к выводу, что первоначально (к началу XV в.) это были представители малоизвестного провинциального аристократического рода, возвысившегося благодаря удачному браку наследника престола княжича Иоанна, сына первого достоверно известного по имени и весьма авторитетного правителя Феодоро, князя Алексея, с Марией Асаниной Палеологиной Цимбалакониной, принадлежавшей кругу высшей константинопольской аристократии. В дальнейшем это, в соответствии с практикой, сложившейся в правящем классе, клонившейся к окончательному упадку Византии, позволяло родственникам по мужской линии считать себя принадлежащими к знатному роду свояков [45, с. 76-78]. Именно этим можно объяснить появление с 1425 г. на плитах с надписями, сообщающими о строительной деятельности мангупских князей, геральдических двуглавых орлов, традиционно считающихся фамильным гербом Палеологов. Вероятно, таким же был механизм внедрения этого символа в русскую государственную геральдику в конце XV в., поводом к чему стал брак между великим князем московским Иваном III и Софьей Палеолог.

Подытоживая изложенное по данному вопросу, можно высказать предположение, опирающееся как на известные ныне письменные источники, так и на результаты археологических исследований Мангупа. В истории правившей здесь династии, вероятно, было два периода. Первый, от возникновения княжества до конца XIV в., когда во главе его находились правители, имевшие какие-то корни в Трапезунде, причем это не обязательно могли быть именно Гаврасы, о пребывании которых в Крыму какие-либо данные в источниках отсутствуют. Они являлись вассалами золотоордынских ханов и, по сути, представляли собой удельных князьков, подчинявшихся, прежде всего, улусной администрации. Разгром, учиненный Тимуром в Крыму, затронул и молодое мангупское княжество. Из разоренной столицы и других мест династы бегут к усиливающемуся северному православному соседу, возможно, став здесь основателями знатного рода Ховриных.

Второй период начинается с середины 20-х гг. XV в. Тогда во главе княжества становятся или представители прежней династии, или же выходцы из другой, неизвестной нам фамилии. Они удачно связали себя свойскими отношениями со знатнейшими родами Константинополя и Трапезунда, Палеологами, Асанами-Асениями и Великими Комнинскими. Эта династия правила до падения княжества под ударом турок в 1475 г.

Следует отметить, что и в Константинополе, по крайней мере, формально, декларируя власть над территориями «примыкающими к Хазарии», возможно, подразумевая соседние с генуэзскими колониями земли Феодоро. Управление ими император Мануил II Палеолог поручил своему четвертому сыну Константину, будущему последнему византийскому императору [46, с. 106].

При князе Алексее, правившем в 20-30-х гг. XV в., особенно пышно, в духе провинциально-византийского и малоазийского зодчества, отстраивается столица. В ней фактически заново возводятся базилика и дворец, существенно реконструируется цитадель.

В период расцвета границы княжества Феодоро на востоке проходили, по крайней мере, в районе Алушты, где форпостом княжества являлась крепость Фуна [подробнее см.: 47]. Прибрежная полоса Южного берега находилась в составе генуэзского «капитанства Готии». Владения мангупских князей в этом районе охватывали склоны и поверхность Главной гряды. Они были защищены небольшими укреплениями, так называемыми «исарами», обычно устраивавшимися с учетом возможности противостояния генуэзским прибрежным крепостям. Не исключено, что остатки каменных оград, перекрывавших перевалы Главной гряды, которые некоторые исследователи пытались отождествить с «длинными стенами» Юстиниана I, на самом деле, как убедительно доказал Л. В. Фирсов, были звеньями оборони-

тельной системы княжества, защищавшей его от угрозы с юга, то есть от генуэзцев [48, с. 113]. Противостояние Феодоро и генуэзских владений продолжалось от времени формирования княжества и фактически до конца его существования, достигнув своего пика в 1433-34 гг., когда в правление князя Алексея при поддержке местного греческого населения была захвачена крепость Чембало-Балаклава⁴.

На западе во владениях Мангупа оказались прибрежные территории, вероятно, от района Георгиевского монастыря, включая угасший Херсон, вплоть до устья Бельбека. По этой реке проходила северная граница княжества с владениями Золотой Орды, а с 30-х гг. XV в. — с Крымским ханством. Возможно, местами в среднем и верхнем течении Бельбека княжество имело земли и на правом берегу реки [50, с. 77-82].

Общая численность населения княжества могла достигать 150 тыс. человек, если учесть сведения генуэзского документа, указывающего, что на его территории было 30 тыс. домов, что надо понимать как численность домовладений, жилых усадеб. Пушечный мастер Георг из Нюрнберга, служивший турецкому султану, сообщает, что на Мангупе, после его захвата, в плен попало 15 тыс. человек. Несмотря на то, что под защиту стен главной крепости Готии, несомненно, собрались многие жители окрестных селений, тем не менее, эта цифра явно завышена. Возможно, она соответствует общему количеству пленников, захваченных турками на территории княжества, или же, по крайней мере, отражает представление о многолюдности населения столицы безотносительно к его реальной абсолютной численности.

Не случайно Феодоро попадает в поле зрения московской дипломатии. Иван III искал не только военных союзников в борьбе за объединение государства. Для него весьма важным было идеологическое и юридическое обеспечение этого процесса. После падения в 1453 г. Константинополя, маленькое христианское княжество в далеком Крыму, по словам А. А. Васильева, было последним осколком Византии на Черном море. В геральдике его правителей, вероятно, в результате удачной женитьбы одного из князей на представительнице знатного византийского рода, связанного с Палеологами, прочно обосновался двуглавый орел. Связи с Константинополем в дальнейшем сыграли определенную роль в судьбе представителей мангупского дома.

Как известно, в 1472 г. великий князь Московский связал себя узами брака с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI, павшего при обороне обреченного «Второго Рима». В ее свите, торжественно явившейся жениху, находился представитель «рода княжеска, Мавнукского града», Константин, впоследствии принявший пострижение под именем Кассиана и удалившийся в Ферапонтов монастырь. Затем он основал недалеко от Углича обитель, где скончался в 1504 г. [51, с. 55-60]. Русской православной церковью он читается под именем святого благоверного князя Константина Мангупа [52, с. 16]. Не им ли была подана мысль об упрочении связей с византийской династией через Крым? К тому же, как отмечалось выше, при московском княжеском дворе еще с конца XIV в. обосновались греческие князья, ставшие родоначальниками рода Ховриных-Головиных, прибывшие из своих утраченных вотчин, среди которых называется и Мангуп. Возможно, эта эмиграция в Москву состоялась в результате упоминавшегося выше разгрома, учиненного на полуострове войском Тимура. Так что обратить внимание Великого князя на юг было кому.

Высокий престиж князей Мангупа действительно привлек внимание Ивана III. Вслед за собственным браком он попытался укрепить связи с родом, связанным с

⁴ Взаимоотношения Феодоро и генуэзской Кафы подробно рассмотрены в монографии В. Л. Мыца [49].

последней византийской императорской династией, посредством брака своего сына Ивана от первого брака с тверской княжной Марией, в 1452 г. вышедшей замуж за Ивана Васильевича и скончавшейся в 1467 г., с дочерью мангупского князя. Переговоры об этом велись в 1474 г. через первого московского посла в Крыму Никиту Беклимишева, который после выполнения дипломатической миссии у хана Менгли-Гирея отправился в Мангуп, где был принят князем Исааком, предпоследним правителем Феодоро. Были практически решены вопросы предстоящего брака [53, с. 148]. Однако, прибывшее на следующий год московское посольство на Мангуп попасть уже не смогло, так как он находился в турецкой осаде, закончившейся падением города и пленением княжеской семьи.

Иван III все-таки остался верен идее устройства брачного междинастийного союза на южном направлении внешней политики Москвы, в которой все большую роль приобретала задача противостояния османской экспансии. Теперь переговоры переориентировались на союзника и свояка Мангупского князя, молдавского господаря Стефана III. Он был крайне заинтересован в этих условиях в развитии отношений с северным соседом, также своим дальним родственником: в 1463 г. Стефан женился на княгине Евдокии, сестре киевского князя Семена Омельковича, дочери Анастасии, родной сестры Василия III (Темного), отца Ивана III [54, с. 218].

В 1472 г. дочь мангупского князя Исаака Мария была выдана замуж за молдавского господаря, скончалась она в декабре 1477 г. [55, с. 27, 29, 49, 64-65, 71, 118]. В монастыре Путна сохранилась ее погребальная пелена, на которой есть изображение покойной с соответствующей надписью по бордюру и гербом Палеологов и монограммой Асанов. Через 5 лет после ее кончины, несостоявшийся жених ее сестры, бесследно канувшей в султанском гареме, Иван «Молодой» женился на дочери Стефана и Евдокии Елене, прозванной в Москве «волошанкой».

Турецкая осада Мангупа в 1475 г. продолжалась полгода и развивалась по сценарию, разыгранному за двадцать два года до этого под стенами столицы Византии, продержавшейся всего два месяца. Тогда очевидец событий лаконично определил главную, по его мнению, причину успеха турок: «Пушки решили все» [56, с. 191]. Слова эти полностью применимы и к происходившему под Мангупом. Тяжелые осадные пушки с дистанции около 200 м метали гранитные ядра диаметром 42 и 35 см. Ужасающий их грохот имел и огромный психологический эффект: об этом новейшем по тем временам оружии большинство феодоритов знали только понаслышке. Тем не менее, город сопротивлялся. На помощь ему прибыл отряд из трехсот валахов, направленный господарем Молдавии Стефаном III, ведь последний мангупский князь Александр, незадолго до этих событий взойдя на престол, приходился ему шурином. Вполне вероятно, что между Молдавией и Феодоро был заключен антиосманский оборонительный союз [57, с. 22]. Намечался он и с венгерским королем Матеем Корвином [подробно об османских завоеваниях в Крыму см.: 58].

Среди защитников на стенах осажденного города были и москвичи. Так, среди погибших оказался правнук основателя рода, князя Степана Васильевича Головина, князь Иван Владимирович, отправившийся в 1475 г. на поклонение к Гробу Господнему в Палестину и захвативший навестить родственников на Мангуп.

Город отбил пять штурмов. Не раз под обстрелом защитникам приходилось латать бреши, пробитые ядрами в византийских, без малого тысячелетнего возраста, стенах. Турецкие источники глухо свидетельствуют о том, что только хитростью — притворным отступлением — удалось выманить осажденных и на их плечах ворваться в город [1, р. 254-255; 59, с. 366-387]. Еще некоторое время держалась цитадель, против которой, как показали археологические исследования, туркам пришлось также

применить артиллерию. Потом была резня, следы которой запечатлены массовыми захоронениями в большой базилике, открытыми раскопками Н. И. Барминой.

Падение Мангупа с горечью было отмечено в русских летописях [53, с. 208]. Особенно об этом заговорили в период военных действий Ивана III на Угре. Упоминания о трагической судьбе мужественного княжества звучали как предостережения перед опасностью продления ордынского владычества на Руси и как пример, который должен был вдохновить в освободительной борьбе.

Возможно, трагической участи после взятия Мангупа турками избегли малолетние отпрыски правящего рода. Жизнь им была сохранена, но они были обращены в ислам и получили соответствующее воспитание при султанском дворе. В 1512 г. султаном Селимом I послом к Василию III был направлен Камал, князь Мангупский, ранее носивший прозвище Феодорит. А в 1522 и 1530 гг., уже при Сулеймане Великолепном, появился в Москве с той же миссией князь Мангупский Скиндер (Александр) [53, с. 270]. Возможно, это действительно были отуреченные потомки княжеской династии Феодоро, ставшие султанскими поданными.

После захвата турками в 1475 г. столицы княжества, располагавшейся на труднодоступном Мангупском плато, память о нем быстро стирается. Побывавший на Мангупе столетие спустя после этого события польский путешественник и дипломат Мартин Броневский застал здесь страшное запустение. Со слов местного греческого священника, «старика честного и умного», он смог узнать, что на фресках, сохранившихся в двух полуразрушенных церквях св. Георгия и св. Константина, были изображены князья города, происходившие из рода трапезундских или константинопольских императоров. Захваченные в плен турками, они были казнены в Константинополе.

Из личных наблюдений Броневского большую важность имеет свидетельство о цитадели города, занимавшей территорию северо-восточного отрога плато, именуемого Тешкли-бурун (Дырявый мыс). Над воротами этого внутреннего укрепления он видел греческую надпись, впоследствии исчезнувшую [60, с. 343]. Реальность ее существования подтверждает турецкий путешественник Эвлия Челеби, отметивший, что надпись выполнена «письменами неверных генуэзцев» и в ней содержится дата строительства крепости [61, с. 89]. Несомненно, что памятник содержал чрезвычайно важную информацию о столице и о самом княжестве. Возможно идентифицировать с ним одну из надписей, хранящихся ныне в Бахчисарайском историко-культурном заповеднике, ранее традиционно связывавшуюся с Каламитой — Инкерманом [62, с. 118-128].

В XVI в. в историографии начинается разработка сюжета, связанного с этнической историей Феодоро. В трактате ректора Краковского университета Матвея Меховского «Описание европейской и азиатской Сарматии», изданном в 1517 г., сообщается, что турками на Мангупе были захвачены два брата-князя, бывшие по происхождению готами. Отметим, что Броневский услышал на Мангупе версию также о двух последних князьях, только о дяде и племяннике, и грехах по происхождению. Как видно, уже в первых попытках выяснения существенных обстоятельств истории Феодоро проявились те трудности, с которыми сталкивались в дальнейшем все исследователи этой темы [подробнее см.: 63, с. 212-256].

На три столетия после этих событий бывшая столица Феодоро превратилась в турецкую крепость — центр кадылыка, в состав которого вошли земли, принадлежавшие ранее княжеству, крепость, оставленную гарнизоном после 1774 г., когда Кучук-Кайнарджийский договор подвел итог российским победам над османской армией на Дунае и вывел Крымское ханство из вассальной зависимости от Стамбула.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.
2. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. Л., 1933. Вып. 71.
3. Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957.
4. Gertsen A. G. Doros-Feodoro (Mangup): from Early Byzantine fortress to provincial Byzantine city Russia and Mediterranean // Proceedings of the First International Conference (Athens, 19-22 May 2005). Vol. I. Athens, 2011.
5. Домбровский О. И. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір // Археологія. Киев, 1961. Вип. 12.
6. Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968.
7. Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев: Либідь, 1990.
8. Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
9. Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
10. Герцен А. Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым. Тез. докладов междунар. конф. Севастополь, 1997.
11. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате возникновения крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
12. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Кырк-Ер — Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антиква, 2016.
13. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
14. Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
15. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
16. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
17. Gertsen A. Periodization of History Mangup-Theodoro // 31 Annual Byzantine Studies Conference (The University of Georgia, Athens, October 28-30, 2005). Abstracts. Athens, 2005.
18. Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34.
19. Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым.
20. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Текст, перевод, комментарий. М., 1980.
21. Auzery. M.-F. Gohie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
22. Алексеенко Н. А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // ХСБ. 1998. Вып. 9.
23. Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
24. Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян Св. Кирилла // Записки имп. Академии наук. 1893. Т. 23, прил. № 6.
25. Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
26. Сорочан С. Б., Зубарь В. Н., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
27. Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007.
28. Бейлис В. М. Ал-Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности средние века. Ростов-на-Дону, 1988.
29. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
30. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
31. Карпов С. П. Черноморская навигация итальянских морских республик в XIV-XV вв. Факторы и степень риска // Bulgaria Pontica Medii Aevi III Nesebre 1985. Sofia, 1992.
32. Тизенгаузен В. Г. Материалы, относящиеся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
33. Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. 1898. Т. 21.
34. Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
35. Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Баку, 1984.
36. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до XVIII в. СПб., 1887.
37. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Иконоборческая Таврика // АДСВ. 1992. Вып. 26. Византия и средневековый Крым.
38. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. № 9.
39. Бушаков В. О происхождении названия крымского города-крепости Мангуп // Советская тюркология. 1990. № 6.
40. Бушаков В. Етимологізація кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний Світ. 1994. № 1-2.
41. Байер Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // АДСВ. 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым.
42. Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
43. Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
44. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.
45. Степаненко В. П. Князя Феодоро и византийская аристократия XV в. // Византия и Крым. Тез. докл. междунар. конф. Севастополь, 1998.
46. Горянов В. Г. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
47. Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны (1423-1475). Киев, 2005.
48. Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т. 40.
49. Мыц В. Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009.
50. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
51. Бриллиантов И. Ферапонтов Белоозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1899.
52. Дунаев Б. И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.
53. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 3. Т. 5.
54. Семенова Л. Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во 2-й пол. XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. Вып. 1.
55. Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976.
56. История Византии. М., 1967. Т. 3.
57. Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI в. Кишинев, 1984.
58. Руев В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь, 2014.
59. Герцен А. Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. IX.
60. Броневский М. Описание Таврии // ЗООИД. 1867. Т. 6.
61. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). Симферополь: Таврия, 1996.
62. Герцен А. Г. О первоначальном местонахождении надписи с упоминанием храма свв. Константина и Елены: Каламита или Феодоро // Климентовский сборник. Мат-лы VI междунар. конф. «Церковная археология: Херсонес — город св. Климента». Севастополь, 2013.
63. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников XVI — начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3.

REFERENCES

1. Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936.
2. Malitskii N. V. Zametki po epigrafike Mangupa. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, Leningrad, 1933, Vol. 71.
3. *Narisi starodavn'oi istorii Ukraïns'koi RSR*. Kiev, 1957.
4. Gertsen A. G. Doros-Feodoro (Mangup): from Early Byzantine fortress to provincial Byzantine city Russia and Mediterranean. *Proceedings of the First International Conference (Athens 19-22 May 2005)*. Vol. I, Athens, 2011.
5. Dombrovskii O. I. Starodavni stini na perevalakh golovnogo pasma Krims'kikh gir. *Arkheologiya*, Kiev, 1961, Vol. 12.
6. Solomonik E. I., Dombrovskii O. I. O lokalizatsii strany Dori. *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1968.
7. Pioro I. S. *Krymskaia Gotiia*. Kiev, Libid' Publ., 1990.
8. Sidorenko V. A. "Goty" oblasti Dori Prokopiia Kesariiskogo i "dlinnye steny" v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, Vol. II.
9. Aibabin A. I. Osnovnye etapy istorii gorodishcha Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, Vol. II.
10. Gertsen A. G. Rannevizantiiskie kreposti Iugo-Zapadnoi Tavriki. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii "Vizantiia i Krym"*, Sevastopol, 1997.
11. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. Eshche raz o date vzniknoveniia kreposti na plato Chufut-Kale. *Problemy istorii "peshchernykh gorodov" v Krymu*, Simferopol, 1992.
12. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Kyrk-Er — Chufut-Kale. Krepost' na kraiu sed'mogo klimata: Issledovanie. Putevoditel'. Al'bom*. Simferopol, Antikva Publ., 2016.
13. Prokopii Kesariiskii. *Voina s gotami*. Moscow, AN SSSR Publ., 1950.
14. Skrzhinskaia E. Ch. *Barbaro i Kontarini o Rossii*. Leningrad, 1971.
15. Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol, 1999.
16. Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I.
17. Gertsen A. Periodization of History Mangup-Theodoro. *31 Annual Byzantine Studies Conference (The University of Georgia, Athens, October 28-30, 2005)*. Abstracts. Athens, 2005.
18. Tikhanova M. A. Bazilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.
19. Barmina N. I. Mangupskaia bazilika v svete nekotorykh problem krymskogo srednevekov'ia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1995, Vol. 27.
20. Chichurov I. S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: "Khronografiia" Feofana, "Breviarii" Nikifora. Teksty, perevod, kommentarii*. Moscow, 1980.
21. Auzepy. M.-F. Gohie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. VII.
22. Alekseenko N. A. Gotiia v strukture vizantiiskoi administrativnoi sistemy v Tavrike vo vtoroi polovine X veka. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1998, Vol. 9.
23. Naumenko V. E. K voprosu o nazvanii i date uchrezhdeniia vizantiiskoi femy v Tavrike. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI.
24. Iagich I. V. Vnov' naidennoe svidetel'stvo o deiatel'nosti Konstantina Filosofa pervouchitel'ia slavianskogo Sv. Kirilla. *Zapiski imperatorskoi Akademii nauk*, 1893, T. 23.
25. Gertsen A. G. Vizantiisko-khazarское погранич'е в Tavrike. *Istoriia i arkheologiiia Iugo-Zapadnogo Kryma*, Simferopol, 1993.
26. Sorochan S. B., Zubar' V. N., Marchenko L. V. *Zhizn' i gibel' Khersonesa*. Khar'kov, 2000.
27. Romanchuk A. I. *Issledovaniia Khersonesa-Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy*. Ekaterinburg, 2007.
28. Beilis V. M. Al-Idrisi o portakh Chernomorskogo poberezh'ia i svyaziakh mezhdum nimi. *Torgovlia i moreplavanie v basseine Chernogo moria v drevnosti srednie veka*, Rostov-na-Donu, 1988.
29. Konovalova I. G. *Vostochnaia Evropa v sochinenii al-Idrisi*. Moscow, 1999.
30. Gil'om de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany. *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka*, Moscow, 1957.
31. Karpov S. P. Chernomorskaia navigatsiia ital'ianskikh morskikh respublik v XIV-XV vv. Faktory i stepen' riska. *Bulgaria Pontica Medii Aevi III Nesebre 1985*, Sofia, 1992.
32. Tizengauzen V. G. *Materialy, otnosiashchiesia k istorii Zolotoi Ordyy*. S-Petersburg, 1884, T. 1.
33. Kulakovskii Iu. A. Episkopa Feodora "Alanskoe poslanie". *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1898, T. 21.
34. Poliak A. N. Novye arabskie materialy pozdnego srednevekov'ia o Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope. *Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy*, Moscow, 1964.
35. Iogann Shil'tberger. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 po 1427 god*. Baku, 1984.
36. Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Ottomanskoi Portyy do XVIII v.* S-Petersburg, 1887.
37. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. Ikonoborcheskaia Tavrika. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1992, Vol. 26.
38. Gertsen A. G., Naumenko V. E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Iugo-Zapadnom Krymu. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, Kazan', 2016, No. 9.
39. Bushakov V. O proiskhozhdenii nazvaniia krymskogo goroda-kreposti Mangup. *Sovetskaia tiurkologiya*, Moscow, 1990, No. 6.
40. Bushakov V. Etimologizatsiia krims'kikh toponimiv u zv'iazku z vivchenniam istorii Krimu. *Skhidnii Svit*, Kiev, 1994, No. 1-2.
41. Baier Kh.-F. Mitropolii Khersona, Sugdei, Gotii i Zikhii po dannym prosopograficheskogo leksikona vremeni Paleologov. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1995, Vol. 27.
42. Gertsen A. G. Opisanie Mangupa-Feodoro v poeme ieromonakha Matfeia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X.
43. Pletneva S. A. Ot kochevii k gorodam. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1967, No. 142.
44. Iakobson A. L. Srednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1950, No. 17.
45. Stepanenko V. P. Kniaz'ia Feodoro i vizantiiskaia aristokratiia XV v. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii "Vizantiia i Krym"*, Sevastopol, 1998.
46. Gorianov V. G. *Pozdnevizantiiskii feodalizm*. Moscow, 1962.
47. Kirilko V. P. *Krepostnoi ansambl' Funy (1423-1475)*. Kiev, 2005.
48. Firsov L. V. O polozenii strany Dori v Tavrike. *Vizantiiskii vremennik*, Moscow, 1979, T. 40.
49. Myts V. L. *Kafa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol, Universum Publ., 2009.
50. Veimarn E. V. O dvukh neiasnykh voprosakh srednevekov'ia Iugo-Zapadnogo Kryma. *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*, Kiev, 1968.
51. Brilliantov I. *Ferapontov Beloozerskii nyne uprazdnennyi monastyr', mesto zatocheniia patriarkha Nikona*. S-Petersburg, 1899.
52. Dunaev B. I. *Maksim Grek i grecheskaia ideia na Rusi v XVI veke*. Moscow, 1916.
53. Solov'ev S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*. Moscow, 1989, Book 3, T. 5.
54. Semenova L. E. Nekotorye aspekty mezhdunarodnogo polozeniia Moldavskogo kniazhestva vo 2-i pol. XV v. *Iugo-Vostochnaia Evropa v srednie veka*, Kishinev, 1972, Vol. 1.
55. *Slaviano-moldavskie letopisi XV-XVI vv.* Moscow, 1976.
56. *Istoriia Vizantii*. Moscow, 1967, T. 3.
57. Gontsa G. V. *Moldaviia i osmanskaia agressiia v poslednei chetverti XV — pervoi treti XVI v.* Kishinev, 1984.
58. Ruev V. L. *Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 g.* Simferopol, 2014.
59. Gertsen A. G. Po povodu novoi publikatsii turetskogo istochnika o zavoevanii Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. IX.
60. Bronevskii M. Opisanie Tatarii. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1867, T. 6.
61. Evliia Chelebi. *Kniga puteshestvii. Pokhody s tatarami i puteshestviia po Krymu (1641-1667 gg.)*. Simferopol, Tavriia Publ., 1996.
62. Gertsen A. G. O pervonachal'nom mestonakhozhdenii nadpisi s upominaniem khrama svv. Konstantina i Eleny: Kalamita ili Feodoro. *Klimentovskii sbornik. Materialy VI mezhdunarodnoi konferentsii "Vizantiia i Krym"*, Sevastopol, 1998, No. 1.

narodnoi konferentsii "Tserkovnaia arkheologiya: Khersones — gorod sv. Klimenta", Sevastopol, 2013.

63. Gertsen A. G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov XVI — nachala XX v. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol, 2008, Vol. 3.

Герцен А. Г.
Княжество Феодоро: от «альфы» до «омеги»
Резюме

Статья посвящена вопросам истории возникновения, развития и гибели политического образования в Юго-Западном Крыму, известного как княжество Феодоро. Рассматриваются различные точки зрения на его историю. На основании известных письменных источников и новых археологических материалов делается вывод о формировании княжества не ранее первой половины XIV в. и о двух этапах его существования, разделяемых событиями, связанными с вторжением на полуостров войск Тамерлана. С захватом столицы, города Мангупа-Феодоро в декабре 1475 г. турками-османами после полугодовой осады жизнь княжества прекращается.

Ключевые слова: Мангуп, княжество Феодоро.

Gertsen A. G.
Theodoro Principality: From Alpha to Omega
Summary

The article discusses the aspects of the origin, development, and fall of the polity in the South-Western Crimea known under the name of the Theodoro principality. Different interpretations of its history have been analysed. Taking known written sources and new archaeological materials into account, the conclusions have been made that the principality shaped at no early than the first half of the fourteenth century, and that its life comprised two periods, divided by the events caused by the invasion of the army of Tamerlane into the Crimea. When after the six-month-long siege the Ottomans seized Mangup, the capital city of Theodoro, in December 1475, the principality ceased to exist.

Keywords: Mangup, Theodoro principality.

В. П. СТЕПАНЕНКО

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ¹**

Знакомство с современной историографией ясно показывает фрагментарность изученности даже основных событий в истории княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму². Причин этому множество. Прежде всего, состояние имеющейся в нашем распоряжении источниковой базы. Нарративные свидетельства остаются крайне фрагментарными; уверенно можно сказать, что многие важные документы по истории княжества еще предстоит выявить в библиотечных и архивных собраниях. В первую очередь, это касается документов из генуэзских и венецианских архивов, а также сочинений Иоанна Евгеника [3, с. 387; 25, с. 93-95]. «Песнь о городе Феодоро» иеромонаха Матфея (около 1395 г.), при всей ее пространности, фактически дает нам только указание на катастрофическое разрушение Мангупа неизвестными варварами в начале 90-х гг. XIV в. [3, с. 286-308; 7, с. 257-282].

Другая проблема — слабая разработанность общей хронологии феодоритского периода в истории Мангупского городища и не только. Ясно лишь одно: история княжества завершается вместе с турецким завоеванием Крыма в 1475 г. Однако события начального этапа его истории еще не определены или недостаточно сформулированы специалистами. Ранее считалось, что их следует относить к началу XV в., сразу после погрома 1390-х гг., и связывать с деятельностью первого самостоятельного правителя княжества Алексея — «владельца» Феодоро и Поморья. Но недавно А. Г. Герцен и В. Е. Науменко предложили включить в историю Феодоро и вторую половину XIV в. — время правления так называемых «сотников» (гекатонтархов); авторы данной гипотезы характеризуют последний период как «золотоордынский» [11, с. 34-38; 21, с. 245-256].

Со своей стороны заметим, что титулатура «сотников», в известной степени, является результатом интерпретации двух надписей, найденных в конце XIX — начале XX вв. на территории Мангупского городища — 1361-1362 гг. (с именем гекатонтарха Хуйтани) и конца XIV в. (с именами «сотника» Цацикия (?) и золотоордынского хана Тохтамышша) [26, с. 485-490]. Х.-Ф. Байер полагал, что чтение титула (должности) «сотник» в первой надписи остается достаточно спорным [3, с. 183, прим. 533]. Следует также сказать, что и точное название титула «князя» Алексея и, соответственно, его статуса также остается не определенным. В латинских источниках он назван *dominus* — «господин» Феодоро, в греческих, включая и его собственные строительные надписи — «владелец (*audentoi*) города Феодоро и Побережья».

¹ Термин «княжество» используется в нашей работе условно, так как в той же «Хронике» Михаила Панарета, завершённой в 1420-е гг., владелец Феодоро Алексей назван — *κυρ Αλεξιος εκ των Θεοδωρων δουατηρ*, что явно отражает его международный статус, по крайней мере, в понимании трапезундских Великих Комнинов [33, с. 81, 24].

² Обобщающее исследование по истории княжества Феодоро остается не написанным. См. об этом: [8, с. 317, прим. 10; 10, с. 36-38; 12, с. 247-258; 24, с. 83-90].